

© И. А. Пильщиков

ПО КАКОМУ ИСТОЧНИКУ ПУШКИН ПЕРЕВОДИЛ АРИОСТО?

1

Пушкин еще лицеистом усвоил сложившееся в XVIII веке мнение, что лучшими героическими поэмами у «древних» народов являются «Илиада» и «Энеида», а у «новых» — «Освобожденный Иерусалим» Тассо и «Генриада» Вольтера. Имена четырех великих эпиков перечислены в стихотворении «Городок» (1815): «На полке за Вольтером / Виргилий, Тасс с Гомером / Все вместе предстоят».¹ Лишь во второй половине XVIII столетия, когда Вольтер пересмотрел свои ранние суждения о героическом и рыцарском эпосе, в один ряд с «Иерусалимом» встал Ариостов «Неистовый Роланд».² Однако поэмы Тассо и Ариосто продолжали противопоставляться как «классическая» и «роман(т)ическая». На лекциях по эстетике адъюнкт-профессор П. Е. Георгиевский рассказывал лицеистам: «Италианцы — одни старались дать преимущество Ариосту пред Тассом, другие — пред первым последнему <...> между тем как они оба превосходные стихотворцы, только каждый в своем роде. <Тасс> писал во вкусе греческом, <Ариост> в романическом, который совсем неизвестен был Аристотелю, но тем не менее открывает обширное поле для отменного искусства».³ Такое же разделение проводит Пушкин в статье «О поэзии классической и романтической» (1825): хотя «Освобожденный Иерусалим» «духом своим, конечно, отличается» от «Энеиды», обе поэмы «принадлежат к роду классическому». «К сему роду должны отнести те стихотворения, коих формы известны были грекам и римлянам, или коих образцы они нам оставили», а «след(ственно) сюда принадлежат» и «эпопея» (XI, 36).⁴ Напротив, «Ариостов Орlando» и предшествующая ему традиция стихотворного романа представляют «романтическую поэзию» (XI, 37, 38).⁵ В письме П. А. Вяземскому от 25 мая и середины июня 1825 года Пушкин утверждает, что романтизм «в Италии-то и возник», в связи с чем также указывает на Ариосто и «предшественников его, начиная от *Viuvo d'Antona do Orlando innamorato*» (XIII, 184), а в «Письме к издателю „Московского вестника“» (1828) протестует против включения Ариосто «в классическую фалангу» (XI, 67) — для него Ариосто не классик, а романтик.

Если классический канон отдавал героической поэме безусловное предпочтение перед стихотворным рыцарским романом, то к концу 1810-х годов ситуация меняется: образцовый стихотворный роман («Неистовый Роланд») теперь вызывает больше интереса, чем образцовая эпопея («Освобожденный Иерусалим»). При этом стихотворный роман («романтическая поэма») по своей жанровой специфике

¹ Пушкин. Полн. собр. соч. [М.; Л.], 1937. Т. 1. С. 98. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

² См.: *Vouvy É. Voltaire et l'Italie*. Paris, 1898; *Carducci G. L'Ariosto e il Voltaire // Carducci G. Opere*. Bologna, 1898. Т. [X]: Studi, saggi e discorsi. P. 131—147; *Keyser S. Contribution à l'étude de la fortune littéraire de l'Arioste en France*. Leiden, 1933. P. 129—136; *Cioranescu A. L'Arioste en France: Des origines à la fin du XVIIIe siècle*. Paris, 1939. Т. II. P. 105—141.

³ Лицейские лекции: (По записям А. М. Горчакова) / Вводная статья Б. Мейлаха // Красный архив. 1937. № 1 (80). С. 167. Ср.: *Берков П. Н. Пушкин и итальянская культура* // Берков П. Н. Проблемы исторического развития литератур: Статьи. Л., 1981. С. 342—345.

⁴ Пушкин здесь имеет в виду, конечно, «форму плана», а не использованную в «Иерусалиме» стихотворную форму октавы, — форму, которая «была новой, не античной» (*Розанов М. Н. Пушкин и Ариосто // Известия АН СССР. Отделение общественных наук*. 1937. № 2—3. С. 370). В противном случае нам пришлось бы признать «странную обмолвку со стороны Пушкина» (Там же).

⁵ Ср.: *Пильщиков И. А. 1) Пушкин и Тассо: (несколько замечаний) // Страницы истории русской литературы: Сб. статей: К семидесятилетию профессора Валентина Ивановича Коровина*. М., 2002. С. 133—141; 2) *Торкватто // Онегинская энциклопедия*. М., 2004. Т. II. С. 592—595.

тяготеет не к эпосе, а к ирои-комике, о чем в 1820—1822 годах писали ведущие литературные теоретики той эпохи — Н. Ф. Остолопов и Н. И. Греч, приводившие в качестве примера отечественной роман(т)ической поэмы поэму молодого Пушкина «Руслан и Людмила». ⁶ Влияние «Роланда» на «Руслана и Людмилу» обсуждалось современниками Пушкина и подтверждено им самим. ⁷ С того же «*Orlando furioso*» Пушкин начинает генеалогию «Евгения Онегина» в письме Рылееву от 25 января 1825 года, недвусмысленно указывая на бурлескно-ироикокомическое происхождение собственного «романа в стихах» (XIII, 134). ⁸

В этом контексте особое значение приобретает попытка Пушкина перевести фрагмент из поэмы Ариосто. Набросок стихотворного переложения октав 100—112 из XXIII песни «*Orlando furioso*» (III, 14—18, 569—575) был сделан в декабре 1825 или в январе 1826 года во Второй масонской тетради (ПД 835, л. 69, 79, 79 об.) и тогда же перебелен на отдельных листах (ПД 78). ⁹ Это один из самых известных эпизодов поэмы: рыцарь Роланд обнаруживает пещеру, в которой его возлюбленная, королев(н)а Анджелика, предавалась плотским утехам с простым воином Медором, о чем любовники оставили множество памятных надписей; Роланд читает эти надписи и сходит с ума от отчаяния. Как отмечал ценимый Пушкиным Симонди, этот небольшой эпизод примечателен тем, что, не являясь ни завязкой, ни кульминацией основного действия, он, тем не менее, дал название всей поэме. ¹⁰ Страдания Роланда, говорит Симонди, изображены «с правдивостью, изяществом чувств и красноречием страстей, ни с чем не сравнимым». ¹¹

Пушкин не отдал недоработанное стихотворение в печать; впервые оно было опубликовано в приложении к «Материалам...» П. В. Анненкова, ¹² который, между прочим, заметил: «Перевод сделан весьма небрежно; видно, что для Пушкина это было скорее упражнением в Итальянском языке, чем настоящим творчеством. (...) Со всем тем поэтический колорит Ариостовой кисти сохранен вполне в этом, едва набросанном переводе и был бы истинным подарком публике в то время». ¹³

Исследователи не раз задавались вопросом об источнике пушкинского переложения, однако до сих пор нет общепринятого мнения о том, по какому итальянско-

⁶ Пушкин в прижизненной критике, 1820—1827. СПб., 1996. С. 469—475.

⁷ См.: *Розанов М. Н.* Пушкин и Ариосто. С. 381—384; *Томашевский Н.* Пушкин — читатель Ариосто: (Заметки) // Альманах библиофила. М., 1987. Вып. XXIII: Венок Пушкину (1837—1987). С. 107—112; *Кошелев В. А.* Первая книга Пушкина. Томск, 1997. С. 64—72.

⁸ Ср.: *Шапир М. И.* «...Хоть поздно, а вступленье есть»: («Евгений Онегин» и поэтика бурлеска) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58. № 3. С. 31—35; *Пильщиков И. А., Шапир М. И.* Эволюция стилей в русской поэзии от Ломоносова до Пушкина: (Набросок концепции) // Стих, язык, поэзия: Памяти Михаила Леонovichа Гаспарова. М., 2006. С. 526—529.

⁹ Уточнить традиционную датировку перевода помогло палеографическое изучение двух автографов, проведенное Т. И. Красноборождо (Красноборождо Т., Хитрова Д. Пушкинский набросок возражения Кюхельбекеру // *Russian Literature and the West: A Tribute for David M. Bethea. Stanford, 2008. Part I. С. 72—73; С. 106, прим. 25—27*). В этой связи должно быть отвергнуто предложение В. С. Непомнящего датировать перевод из Ариосто концом июля 1826 года на том основании, что в переводе якобы отразилась реакция Пушкина на смерть Амалии Ризнич (*Непомнящий В. С.* Пушкин: Русская картина мира. М., 1999. С. 210. (Пушкин в XX веке; вып. VI)).

¹⁰ *Simonde de Sismondi J. C. L. De la littérature du Midi de l'Europe.* Paris, 1813. Т. II. P. 64, 76.

¹¹ Ср.: «...avec une vérité, avec une délicatesse de sentiments et une éloquence de passion que rien n'égale» (Ibid. P. 76). 14 марта 1825 года Пушкин просил брата прислать эту книгу: «Душа моя, горчицы, рому, что-нибудь в уксусе — да книг: (...) Sismondi (littérature) (...) если есть у St. Florent» (XIII, 151).

¹² *Анненков П. В.* Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина // Пушкин. Сочинения / С приложением материалов для его биографии. Издание П. В. Анненкова. СПб., 1855. Т. I. С. 465—469.

¹³ Там же. С. 167—168.

му тексту Пушкин переведил Ариосто и какими переводами-посредниками при этом пользовался (если пользовался вообще). В комментариях к «старому», неоконченному академическому собранию сочинений Пушкина П. О. Морозов прямо утверждал, что «у нас нет достаточных оснований для положительного ответа на вопрос о том, переведил ли Пушкин прямо с итальянского подлинника, или с французского перевода».¹⁴ Здесь же комментатор отметил, что в библиотеке Пушкина было восьмитомное итальянское издание «Orlando furioso» 1825 года (БП 552), однако нужный том остался неразрезанным (скорее всего, Пушкин приобред это издание позже, чем закончил перевод).

Во Франции еще с XVI столетия существовала традиция прозаических переводов поэмы Ариосто. В середине XVIII века наибольшую известность приобрел полный перевод «Роланда» (1741), принадлежащий Жану-Батисту Мирабо, который ранее переложил прозой «Освобожденный Иерусалим» Тассо (1724).¹⁵ «Иерусалим» в переводе Мирабо имел огромный успех, вышел несколькими изданиями и открыл перед переводчиком двери Академии.¹⁶ Перевод «Роланда», несмотря на свое несовершенство, осмеянное Вольтером,¹⁷ также пользовался популярностью и впоследствии несколько раз перепечатывался. С этих французских версий-посредников были сделаны русские прозаические переводы поэм Тассо и Ариосто, выполненные М. И. Поповым и П. С. Молчановым.¹⁸ Вышедший анонимно перевод Молчанова вызвал благосклонный, хотя и далеко не восторженный отзыв Карамзина: «Ариост (...) занимает и нравится, даже и тогда, когда читаешь его не в сладкогласных италиянских строфах, а в сухом прозаическом переводе. (...) Слог нашего переводчика можно назвать изрядным; он не надут славянщицкою, и довольно чист. Кто не может читать *Роланда* ни на каком другом языке, тому, конечно, сей русский перевод будет приятен».¹⁹

В 1775—1783 годах свой перевод «Роланда» опубликовал Луи Дюссё — основатель первой французской ежедневной газеты «Journal de Paris» и автор «Французского Декамерона» (по своей основной специальности — агроном и теоретик виноделия).²⁰ Заметным явлением культурной жизни этот текст не стал. Между тем за год до выхода первого тома «Неистового Роланда» в переводе Дюссё увидела свет лучшая франкоязычная прозаическая версия Тассова «Освобожденного Иерусалима», принадлежащая Шарлю-Франсуа Лебрена (1774). Перевод Лебрена, опубликованный без имени автора, был единогласно признан шедевром французской переводной литературы; некоторое время его «приписывали Ж.-Ж. Руссо, и он до-

¹⁴ Сочинения Пушкина. Издание Императорской Академии Наук. Пг., 1916. Т. IV / Под ред. П. О. Морозова. Примеч. С. 209.

¹⁵ Jerusalem délivrée, poème héroïque du Tasse / Nouvellement traduit en François [par J.-B. Mirabaud]. Paris, 1724. Т. I—II; Roland furieux, poème héroïque de l'Arioste / Traduction nouvelle par M*** [J.-B. Mirabaud]. La Haye, 1741. Т. I—IV.

¹⁶ Beall C. B. La Fortune du Tasse en France. Eugene, Oreg., 1942. P. 129—132. (University of Oregon Monographs. Studies in Literature and Philology; 4).

¹⁷ «Философский словарь», статья «Эпопея. Героическая поэма», раздел «Об Ариосте» (Œuvres complètes de Voltaire. [Kehl], 1784. Т. XL. P. 52—54).

¹⁸ Освобожденный Иерусалим, ироическая поэма Италиянского Стихотворца Тасса / Пер. с фр. М. Поповым. СПб., 1772. Ч. I—II; Неистовый Роланд, Героическая Поэма Г. Ариоста / Пер. с фр. [П. С. Молчановым]. М., 1791—1793. Кн. I—III. Ср.: Заборов П. Р. «Литература-посредник» в истории русско-западных литературных связей XVIII—XIX вв. // Международные связи русской литературы. М.; Л., 1963. С. 63, 81—82; Горюхова П. М. 1) Торквато Тассо в России XVIII века: (Материалы к истории восприятия) // Россия и Запад: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1973. С. 143—146; 2) Ариосто в России: (Материалы к истории его изучения и восприятия) // Русская литература. 1974. № 4. С. 117; 3) Из истории восприятия Ариосто в России: (Батюшков и Ариосто) // Эпоха романтизма: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1975. С. 237, 243.

¹⁹ Московский журнал. 1791. Ч. II. Кн. III. С. 324.

²⁰ Roland furieux, poeme héroïque de l'Arioste / Traduction nouvelle par M. d'Ussieux. Paris, 1775—1783. Т. I—II (4 parties).

стоин сего великого писателя».²¹ Ариосто повезло меньше: столь же талантливому переводчику для него не нашлось.

Следующий этап французской рецепции Ариосто и Тассо связан с двуязычными эдифициями переводчика и книгоиздателя Шарля-Жозефа Панкука,²² стремившегося создать «буквальный и верный перевод» обеих поэм, который мог быть напечатан параллельно с итальянскими оригиналами.²³ Такой перевод должен было следовать форме подлинника и одновременно давать хоть какое-то представление о его поэтическом совершенстве. Преследуя эту двоякую цель, Панкук и его помощник Шарль-Этьен Фрамери комбинировали фрагменты наиболее авторитетных французских версий (в случае Тассо — версии Лебрена, в случае Ариосто — версии Мирабо) с элементами дословного перевода и печатали французский текст с итальянским текстом en regard. Эти две билингвы были опубликованы соответственно в 1785 и 1787 годах.²⁴

Несмотря на большую культурную и познавательную ценность изданий Панкука, кресло во Французской академии за перевод «Неистового Роланда» досталось не ему, а опередившему его на несколько лет графу де Трессану. Луи-Элизабет де Лавернь, граф де Трессан — компаньон молодого Людовика XV, впоследствии генерал-лейтенант и королевский адъютант, маршал при дворе Станислава Лещинского, приятель Шольё, Жантиль-Бернара, Вольтера и Бюффона, автор одного из первых французских трактатов об электричестве, участник «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера, — прославился как переводчик средневековых рыцарских романов, а в 1780 году издал полный прозаический перевод «Orlando furioso».²⁵ После смерти графа (1783) этот перевод с различными редакторскими улучшениями переиздавался вплоть до начала XX века (как отдельно, так и в составе сочинений Трессана). Одно из таких изданий — «Euvres du Comte de Tressan» в 10 томах (1822—1823) было в библиотеке Пушкина (БП 1448); тома с переводом Ариосто разрезаны.²⁶

Первым на это издание как на основной, если не единственный, источник пушкинского перевода уверенно, но без всяких обоснований указал В. В. Набоков.²⁷ Недавно это мнение попытался аргументировать М. Вахтель.²⁸ В своем «Комментарии к лирике Пушкина 1826—1836 годов» исследователь вслед за П. О. Морозовым²⁹ отмечает, что в итальянском издании «Orlando furioso» под редакцией Антонио Буттуры (1825), которое было в библиотеке Пушкина, соответствующие страницы не разрезаны, «поэтому нет возможности точно установить, каким итальянским изданием пользовался Пушкин, если он вообще заглядывал в итальянский оригинал».³⁰ Зато в библиотеке поэта был перевод Трессана. Набоков почему-то не счел нужным упомянуть об этом обстоятельстве, однако оно не ушло от внимания Вахтеля.

²¹ *Panckoucke C. Préface // Jérusalem délivrée / Nouvelle traduction, dédiée à Monseigneur le Comte de Vergennes. Paris, 1785. T. I. P. 10 (1e pagination).*

²² См. о нем: *Tucsoo-Chala S. Charles-Joseph Panckoucke & la Librairie française, 1736—1798. Pau; Paris, 1977; Porret M. Savoir encyclopédique, encyclopédie des savoirs // L'Encyclopédie méthodique (1782—1832): Des Lumières au positivisme. Genève, 2006. P. 21 et pass.*

²³ *Panckoucke C. Préface. P. 11—12 (1e pagination).*

²⁴ См.: *Jérusalem délivrée / Nouvelle traduction, dédiée à Monseigneur le Comte de Vergennes [par C. Panckoucke]. Paris, 1785. T. I—V (именем переводчика подписано посвящение издания); Roland furieux, poème héroïque de l'Arioste / Nouvelle traduction, par MM. Panckoucke et Framery. Paris, 1787. T. I—X.*

²⁵ *Roland furieux. Poème héroïque de l'Arioste / Nouvelle traduction par M. le Comte de Tressan. Paris, 1780. T. I—IV.*

²⁶ *Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: (Библиографическое описание). СПб., 1910. С. 351—352 (Пушкин и его современники: Материалы и исследования; вып. IX—X).*

²⁷ *Pushkin A. Eugene Onegin. A Novel in Verse: In 4 vols. / Translated from the Russian, with a Commentary, by V. Nabokov. New York, 1964. Vol. 2. P. 199—200, 411; Vol. 3. P. 5—6.*

²⁸ *Wachtel M. A Commentary to Pushkin's Lyric Poetry, 1826—1836. Madison, Wis., 2011. P. 8—11.*

²⁹ См. прим. 14.

³⁰ *Wachtel M. A Commentary to Pushkin's Lyric Poetry. P. 8.*

2

Вопрос о французском переводе-посреднике можно было бы считать решенным, если бы не одно «но»: сопоставление текстов показывает, что если Пушкин пользовался какой-то французской версией «Неистового Роланда», то это был, скорее всего, не перевод Трессана,³¹ а перевод Панкука.³² Кроме того, можно убедительно показать, что поэт обращался и непосредственно к итальянскому первоисточнику.

Для обоснования этих тезисов я воспользуюсь методом анализа версий-посредников, который мне уже доводилось применять при изучении переводов И. И. Дмитриева с латинского и К. Н. Батюшкова с итальянского.³³ Принцип анализа версий-посредников может быть сформулирован так: их воздействие считается доказанным или, по крайней мере, высоко вероятным в том случае, когда у двух переводчиков обнаружено значительное число одинаковых расхождений с оригиналом, причем эти расхождения не совпадают с отступлениями от подлинника в других переводах. Учитывая архаичную сложность итальянского текста и небезупречное знание Пушкиным итальянского языка, совпадения с оригиналом, имеющие соответствия только в одном переводе-предшественнике, могли бы послужить дополнительным аргументом в пользу обращения к данному переводу-посреднику, если бы оно было при этом подтверждено другими межтекстовыми совпадениями или внетекстовыми свидетельствами.

Вот начало пушкинского перевода — описание берега ручья, к которому приехал Роланд (октава 100):

*Природа милыми цветами
Тенистый берег убрала <...>*³⁴

*Nelle cui sponde un bel pratel fioria,
Di nativo color vago, e dipinto...*³⁵

Отсутствующее в оригинале существительное *природа*, поставленное в позицию подлежащего и наделенное значением активного действия, ввели в текст Панкук и Фрамери: «Sur ses bords fleurissoit une riante prairie, que la nature avoit embellie, émaillée de toutes ses couleurs».³⁶ Текст Трессана совсем не похож на пушкинский: «...le rivage agréable d'une belle fontaine qui serpentait dans une prairie émaillée de fleurs».³⁷

³¹ Ср.: Œuvres du Comte de Tressan / Précédées d'une notice sur sa vie et ses ouvrages par M. Campenon, de l'Académie Française. Édition revue, corrigée, et accompagnée de notes. Paris, 1822. T. VI. P. 194—199.

³² См.: Roland furieux, poème héroïque de l'Arioste / Nouvelle traduction, par MM. Panckoucke et Framery. T. V. P. 415—427.

³³ См.: Пильщиков И. А. 1) О роли версий-посредников при создании переводного текста: (Дмитриев — Лагарп — Скалигер — Тибулл) // Philologica. 1995. Т. 2. № 3—4. С. 87—111; 2) Батюшков — переводчик Тассо: (К вопросу о роли версий-посредников при создании переводного текста) // Славянский стих: Лингвистическая и прикладная поэтика: Материалы международной конференции 23—27 июня 1998 г. М., 2001. С. 345—353; 3) Батюшков и литература Италии: Филологические разыскания. М., 2003. С. 34—61, 282—291.

³⁴ Здесь и далее курсив в цитатах мой.

³⁵ «На берегу которого (т. е. ручья. — И. П.) цвел прекрасный луг, / Природным цветом разукрашенный и расписанный» (ит.). Итальянский текст здесь и далее цитируется по билингуве Панкука.

³⁶ «На его берегах цвел пленительный луг, который *природа разукрасила*, испещрила всеми своими цветами» (фр.). Здесь «цветами» — это тв. п. мн. ч. существительного *цвет*, мн. *цветá*.

³⁷ «Приятный берег прекрасного источника, который змеился по лугу, усеянному цветами» (фр.). Здесь «цветами» — это тв. пад. мн. ч. существительного *цвет(ок)*, мн. *цветы*. Замена *couleur(s)* (= *color*) на *fleurs* идет от Мирабо (см. об этом далее).

Любопытнейший случай представляет октава 101 — объяснение усталости Роланда:

Il merigge facea grato l'orezzo (...)
Si che nè Orlando sentia alcun ribrezzo,
Che la corazza avea, l'elmo, e lo scudo.³⁸

Луга палит полдненный зной (...)
Устал под латами герой —
Его манит ручья прохлада.

Сходную парафразу мы находим в тексте Панкука:³⁹ «L'ardent midi *faisoit desirer* (...) *la fraîcheur* du zéphir» («Жаркий полдень *принуждал желать* (...) *прохлады* ветерка»). На первый взгляд текст Панкука не уникален, поскольку совпадает с текстом Трессана в издании 1822 года: «L'ardent midi *faisait desirer la fraîcheur* du zéphir...». Дело, однако, в том, что редакторы посмертного издания подправили текст Трессана в соответствии с переводом Панкука. В ранних изданиях это место читалось иначе: «...le zéphir qui pénétroit leur feuillage, tempéroit la chaleur sur ses bords tranquilles».⁴⁰

108-я октава. Роланд читает над входом в пещеру надпись — стихи Медора, обращенные к окрестным цветам, травам и водам:

Della commodità che qui m'è data,
Io povero Medor ricompensarvi
D'altro non posso, che d'ognor lodarvi.⁴¹

Чем, бедный, вас я награжу?
Столь часто *вами* охраненный,
Одним лишь только услужу —
Хвалой и просьбою смиренной.

Конструкция *столь... вами* отсутствует в оригинале. Ее ближайший аналог имеется у Панкука: «...lieux charmans, pour *tant* de faveurs que j'ai reçu *de vous*, moi, pauvre Médor, je ne puis vous exprimer ma reconnoissance, qu'en célébrant sans cesse vos agréments».⁴² Ср. для контраста другие французские переводы:

«...dans l'état obscure ou le Ciel a placé Médor, tout ce qu'il peut faire pour vous est de vanter sans cesse vos agréments» (Мирабо);⁴³

«Tout ce que la fortune permet à Médor de faire pour reconnoître tant de délices & de voluptés, est de vanter sans cesse vos charmes» (Дюссё);⁴⁴

«Ah! que votre silence et votre asyle nous furent agréables, et que la mémoire en sera chère à ce Médor qui ne peut les reconnaître qu'en vous célébrant et qu'en

³⁸ «В полдень ветерок создавал приятность (...) / Так что и Орландо почувствовал некую дрожь, / Потому что на нем был панцирь, шлем и щит» (*ит.*).

³⁹ В дальнейшем, говоря о переводе Панкука и Фрамери, я буду упоминать только первого, главного переводчика.

⁴⁰ «Ветерок, проникающий в их (деревьев) листву, умерял жар на его (ручья) спокойных берегах» (*фр.*). Цит. по: *Œuvres choisies du Comte de Tressan*. Paris, 1788. T. V: Roland furieux, poème héroïque de l'Arioste, t. 5. P. 205.

⁴¹ «За благоприятство, которое здесь мне было даровано, / Я, бедный Медор, вам воздать / Ничего другого не могу, кроме как постоянно вас хвалить» (*ит.*).

⁴² «Прелестные места, за *столько* милостей, что я получил *от вас*, я, бедный Медор, не могу выразить свою признательность иначе, как восхваляя беспрестанно ваши приятности» (*фр.*).

⁴³ «В том безвестном состоянии, в кое Небо поместило Медора, всё, что он может сделать для вас, — это превозносить беспрестанно ваши приятности» (*фр.*). Здесь и далее перевод Мирабо цитируется по первому изданию (La Haye, 1741. T. II. P. 418—423).

⁴⁴ «Всё, что судьба позволяет Медору сделать, чтобы воздать признательность стольким отрадам и наслаждениям, — это превозносить беспрестанно ваши прелести» (*фр.*). Здесь и далее перевод Дюссё цитируется по первому изданию (Paris, 1776. T. I. Partie 2. P. 481—484).

formant des vœux pour vous!»⁴⁵ (Трессан; этот текст наиболее далек от пушкинского).

Обращение *бедный*, имеющееся и в подлиннике, из всех французских переводчиков воспроизвел только Панкук, но, как мы увидим далее, в соответствующей строке Пушкин опирался также на русский перевод-посредник.

Пользуясь двуязычным изданием, Пушкин, без сомнения, внимательно смотрел в итальянский подлинник. Поэт не воспроизвел строфическую форму итальянских восьмистиший, но ввел разбиение на неравные (от 4 до 11 строк) стихотворные фрагменты — квазистрофы, композиционно соответствующие октавам Ариосто. В своем переложении Пушкин ориентируется «на строфу — но не как на ритмико-интонационное единство, а как на исходный сегмент для перевода, предложенный в оригинале».⁴⁶ «Употребление четырехстопного ямба вместо пятистопного, более близкого к итальянской октаве, также затрудняет поэту точность передачи текста».⁴⁷ Тем не менее, в отличие от большинства переводчиков-предшественников, Пушкин переводил Ариосто стихами и имел возможность передать некоторые сугубо стиховые конструкции подлинника.

Только непосредственным обращением к итальянскому оригиналу может быть объяснено сохранение анафорических указательных конструкций в 101-й октаве (*Здесь... / И здесь...*). Роланд находит пещеру:

Здесь мыслит он найти покой.
И здесь-то, здесь нашел несчастный
Приют жестокой и ужасный.

*Quivi egli entrò per riposarvi in mezzo,
E v'ebbe travaglioso albergo, e crudo.*⁴⁸

Кроме того, из всех переводчиков только Панкук сохраняет оба прилагательных: «*Mais que ce séjour fut cruel et douloureux pour lui!*»⁴⁹

К вопросу о прямом обращении Пушкина к итальянскому тексту мы вернемся ниже, а сейчас рассмотрим другие случаи, когда из всех французских переводчиков только Панкук точно следует итальянскому тексту. Конечно, сами по себе эти примеры не доказывают обращения Пушкина к тексту Панкука, но в ряду других фактов могут стать важным косвенным свидетельством.

Октава 103. Роланд не верит в измену Анджелики:

Он *силится* вообразить,
Что вензеля в сей роще дикой
Начертаны все — может быть —
Другой, не этой Анджеликой.

В оригинале: «*Ch'altra Angelica sia creder si sforza*» («Что это другая Анджелика, он *силится* поверить»). Панкук сохраняет базовый глагол: «*Il s'efforce de se persuader*

⁴⁵ «Ах! как ваша тишина и ваш приют были нам приятны, и как память о них будет дорога этому Медору, который не может воздать им признательность иначе, как вас восхваляя и измышляя вам благие пожелания» (*фр.*).

⁴⁶ Карданова Н. Перевод ренессансного поэтического текста с итальянского на русский: Пушкин и Ариост // *Contributi italiani al XIV Congresso Internazionale degli Slavisti* (Ohrid, 10—16 settembre 2008). Firenze, 2008. P. 247 (Biblioteca di Studi Slavistici; 7).

⁴⁷ Розанов М. Н. Пушкин и Ариосто. С. 410.

⁴⁸ «Туда он прибыл, чтобы отдохнуть посреди [леса], / *И там* обрел приют мучительный и жестокий» (*ит.*).

⁴⁹ «Но сколь сие обиталище было *жестоким и мучительным* для него» (*фр.*). Ср. у Трессана: «...mais il ne pouvait choisir un plus funeste asyle» («но он не мог выбрать более прискорбного пристанища»). У Мирабо: «...mais hélas! qu'il fut éloigné de trouver en ce beau lieu le repos qu'il y cherchoit!» — или, как переводит с текста Мирабо П. С. Молчанов: «Но, увы! сколь удален он был в сем прекрасном месте от искомого покоя!» (Неистовый Роланд, Героическая Поэма Г. Ариоста. М., 1791. Кн. II. С. 410).

que c'est une autre Angélique» («Он *силится* убедить себя, что это другая Анжелика»). Иначе у Трессана («...quelquefois même il croit que c'est d'une autre Angélique»),⁵⁰ у Мирабо («Il pense quelquefois que c'est une autre Angélique»)⁵¹ и у Дюссё («Il voudroit se persuader qu'une autre Angélique avoit gravé son nom sur cette écorce»)⁵²

Тема продолжается в 104-й октаве: «...разумею, / *Медор сей* выдуман лишь ею». Оригинал: «Finger questo Medoro ella si puote» («Она могла выдумать *этого Медора*»). Панкук: «Peut-être ce Médor est-il une fiction» («Может быть, *этом Медор* лишь выдумка»). Трессан: «...peut-être a-t-elle imaginé ce nom de Médor» («может быть, она выдумала это имя Медора»). Демонстратив взят из оригинала и подержан переводом Панкука (у Трессана указательное местоимение стоит не перед именем собственным, а у Мирабо и Дюссё совершенно иная конструкция фразы).

Далее, в октаве 105:

Но чем он более хитрит,
Чтоб утешить свое мученье,
Тем пуще злое подозренье
Возобновляется, горит...

Ma sempre più raccende, e più rinnova,
Quanto spenger più cerca il rio sospetto.⁵³

Панкук сохраняет выделенное словосочетание: «Mais plus il s'efforce de bannir se cruel soupçon, plus il renaît, et se rallume dans son ame».⁵⁴ У других французских переводчиков вся конструкция построена иначе и указанного выражения нет. Так, у Трессана: «...flottant sans cesse entre la crainte et l'espérance, plus il se formait d'idées nouvelles, plus son cœur était déchiré».⁵⁵

Хороший материал для размышлений дает серия числительных в 111-й октаве:

Два, три раза, и пять, и шесть
Он хочет надпись перечесть.

У Ариосто сказано: «Tre volte, e quattro, e sei lesse lo scritto / Questo infelice» («*Три* раза, и *четыре*, и *шесть* перечел написанное / Этот несчастный»). Дополнительное число *пять* имеет французское происхождение. Оно появляется у Мирабо: «Il relut cinq ou six fois, se fatal écrit» («Он перечел *пять* или *шесть* раз эту роковую надпись») — и вслед за ним у Панкука: «L'infortuné Comte relit cinq fois, six fois se fatal écrit» («Несчастный граф перечитывает *пять* раз, *шесть* раз эту роковую надпись»). Иначе у Дюссё: «L'infortuné relit trois ou quatre fois ces lignes» («Несчастный перечитывает *три* или *четыре* раза эти строки»). У Трессана числительных вообще нет: «L'infortuné paladin lit et relit plusieurs fois se fatal écrit» («Несчастный паладин читает и перечитывает *много раз* эту роковую надпись»). Таким образом, числительные 2 и 3 у Пушкина неточно соответствуют числительным 3 и 4 в оригинале и в переводе Дюссё (в других французских переводах этой пары нет), а числительные 5 и 6 у Пушкина (на месте одного числительного 6 в оригинале) соответствуют числительным 5 и 6 в переводах Мирабо и Панкука.

⁵⁰ «Порой он даже верит, что это другая Анжелика» (фр.).

⁵¹ «Он думает порой, что это другая Анжелика» (фр.).

⁵² «Он хотел бы убедить себя, что это другая Анжелика вырезала свое имя на сей коре» (фр.).

⁵³ «Но тем больше оно разгорается и больше возобновляется, / Чем больше он пытается задушить жестокое подозрение» (ит.).

⁵⁴ «Но чем больше он силится устранить это жестокое подозрение, тем более оно возрождается и разгорается в его душе» (фр.).

⁵⁵ «Колеблясь беспрестанно между страхом и надеждой, чем больше он изобретает новых выдумок, тем больше разрывается его сердце» (фр.).

Таковы прямые и косвенные «улики», свидетельствующие о вероятном использовании Пушкиным текста Панкука (вопрос о переводах Мирабо и Дюссё будет рассмотрен отдельно ниже).

3

В первой половине и в середине 1820-х годов занятия Пушкина итальянской культурой не были вполне самостоятельными. В частности, в это время его суждения об итальянской литературе еще во многом зависимы от батюшковских.⁵⁶ В 1817 году Батюшков опубликовал в «Вестнике Европы» несколько работ из своего незавершенного сборника переводов «Пантеон итальянской словесности».⁵⁷ Одним из них был перевод отрывка из «Orlando furioso», описывающий иступление Роланда и включающий в себя, в том числе, октавы 100—112 из XXIII песни, позднее переведенные Пушкиным.⁵⁸

Первым на связь между переводами Батюшкова и Пушкина указал В. Я. Брюсов. В 1908 году в статье «Знал ли Пушкин по-итальянски?» он неуверенно заметил, что «Пушкину мог быть знаком прозаический перевод приблизительно тех же октав Ариосто, сделан(н)ый Батюшковым».⁵⁹ Свидетельством же того, что «перед Пушкиным был подлинник», Брюсов счел начало 103-й октавы, переведенное точнее, чем у Батюшкова.⁶⁰ Однако в позднейшей статье «Пушкин мастер» (1924) Брюсов, не приведя никаких новых соображений, безапелляционно заявил: «Особенно часто наброски Пушкина легко объясняются желанием великого поэта усвоить манеру чужого произведения. Таково переложение в стихи прозаического перевода Батюшкова из „Орlando“ Ариосто».⁶¹ Это явная натяжка, которую отметил еще М. Н. Розанов: «Но сам же критик находит, что начало 103-й строфы переведено у Пушкина точнее, чем у Батюшкова, и тем подрывает свою гипотезу».⁶²

Следы знакомства Пушкина с переводом Батюшкова многочисленны. В 102-й октаве читаем:

Tosto che fermi v'ebbe gli occhi, e fitti,
Fu certo esser di man della sua diva.⁶³

Он с изумленьем в сих чертах
Знакомый почерк замечает (...)
Он руку милой узнает...

У Батюшкова: «Всматривается, и что же? Познает в начертаниях сих руку богини своей, незабвенной Анжелики». Во французских переводах нет конструкции с предлогом *в* (или ее аналогов) и нет лексемы, соответствующей *чертам / начертаниям*

⁵⁶ Пильщиков И. А. 1) Из истории русско-итальянских литературных связей: (Батюшков, Петрарка, Данте) // Дантовские чтения 1998. М., 2000. С. 8—32; 2) Батюшков и литература Италии. С. 143—147, 225—227.

⁵⁷ О проекте «Пантеона» см.: Горохова Р. М. Из истории восприятия Ариосто в России: (Батюшков и Ариосто). С. 256—263; Пильщиков И. А. Батюшков и литература Италии. С. 130—135.

⁵⁸ Иступление Орланда. Конец песни XXIII, и начало XXIV / Из Ариоста Б[атюшков] // Вестник Европы. 1817. Ч. ХCV. № 17—18. С. 17—29.

⁵⁹ Брюсов В. Знал ли Пушкин по-итальянски? // Русский архив. 1908. № 12. С. 585.

⁶⁰ Там же. Впоследствии это наблюдение (без ссылки на Брюсова) расширил Г. Д. Владимирский: «В 103-й октаве поэт гораздо ближе к подлиннику, чем остальные переводчики, ставшие «украсить» это место» (Владимирский Г. Д. Пушкин-переводчик // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. [Вып.] 4—5. С. 315).

⁶¹ Брюсов В. Пушкин мастер // Пушкин / Ред. Н. К. Пиксанова. М., 1924. Сб. I. С. 111.

⁶² Розанов М. Н. Пушкин и Ариосто. С. 410.

⁶³ «Как только он рассмотрел всё пристально и внимательно, / Он убедился, что надписи эти были сделаны рукой его богини» (ит.).

ям:⁶⁴ переводчики употребляют слова *caractères* 'буквы, символы' (Мирабо, Дюссё, Панкук) или *lettres* 'буквы, письма' (Трессан).

Продолжение темы, октава 103:

Quante lettere son, tanti son chiodi,
Coi quali Amore il cor gli punge, e fiede.⁶⁵

Их буква *каждая* гвоздем
Герою сердце пробивает.

Определительное местоимение *каждый* ввел в текст Батюшков: «...и *каждое* слово, *каждая* черта проникают глубоко в его сердце». Вот для сравнения перевод Мирабо: «...ce fut autant de coups de poignard dont l'Amour lui perça le Cœur»; и его русский извод (перевод Молчанова): «...это было толикоеж число кинжальных ударов, кои-ми любовь пронзала его сердце».⁶⁶

Следующий пример — из 106-й октавы:

V'aveano i nomi lor dentro, e d'intorno,
Più che in altro dei luoghi circostanti.⁶⁷

И здесь *их имена* кругом
Древа и камни сохраняли.

Последняя процитированная строка целиком восходит к Батюшкову: «Там повсюду *каждый камень*, *каждая кора древесная имена их сохранили*». Это совсем не похоже на французскую традицию переводов этого фрагмента, отразившуюся у Молчанова: «Во всех окрестностях не было такого места, где бы имена сих счастливых любовников столь многи видны были, как в этом. Оне были везде и внутри и вне пещеры...».⁶⁸

Рассмотрим уже цитировавшиеся по другому поводу заключительные стихи 108-й октавы (обращение Медора к окрестностям). Вот как переводит это место Батюшков: «*Чем может воздать вам бедный Медор? Хвалю вечною и вечной признательностью*». Пушкин, отталкиваясь от батюшковского варианта, находит свой собственный. Это видно по его работе над текстом (ПД 835, л. 79):

Чем [бедный] вам (III, 573, прим. 1а)

[*Что вам от бедного Медора*] (III, 573)

Чем вас могу вознаградить (III, 573)

[*Медор вас бедный*] наградит

⁶⁴ У Пушкина однокорневой глагол употреблен еще в черновом варианте заключительных строк 106-й октавы: «Здесь мелом углем иль ножом / Они повсюду *начертали*» (III, 271, прим. 6а). У Батюшкова финал 106-й октавы звучит так: «...уголь, мел и острие железа — все служило им орудием для *начертания* любовной повести».

⁶⁵ «Сколько букв, столько гвоздей, / Которыми Амур сердце ему пронзает и ранит» (*ит.*).

⁶⁶ Ср. у Панкука: «...ces caractères, ces chiffres, ces nœuds sont autant de poignards dont l'amour lui perce le cœur» («этих букв, этих вензелей, этих сплетений столько же, сколько кинжалов, которыми любовь пронзает ему сердце»).

⁶⁷ «Там их имен, внутри и вокруг, / Было больше, чем в других окрестных местах» (*ит.*).

⁶⁸ Молчанов, понятное дело, переводит по Мирабо: «Il n'y avoit aucun endroit aux environs, où les noms de ces heureux Amans se remarquassent autant de fois que dans celui-là. On les voyoit par-tout au-dedans & au-dehors de la grotte...». Панкук сокращает текст Мирабо до последней процитированной фразы: «Là, on voyoit leurs noms par-tout, au dedans, au dehors de la grotte» («Там виднелись повсюду их имена, внутри и снаружи пещеры»). Ср. у Трессана: «...les murs de cette grotte étaient encore bien plus couverts de leurs noms et de leurs chiffres qu'aucune autre partie des environs» («стены этой пещеры были еще больше исписаны их именами и их вензелями, чем любое другое место в округе»).

[Благодареньем и хвалою] (III, 573)

Чем, бедный, вас я награжу?

Хвалою и просьбою смиренной. (III, 573, 17)

Глагол *награжу* при переводе этих строк употребил другой старший современник Пушкина — П. А. Катенин, который перевел надпись Медора (строфы 108—109) 5-стопным ямбом, используя свой собственный строфический эквивалент октавы (AbAbCCdd):

Чем бедный я Медор, какой ценой
Вас награжу, как не души хвалою?⁶⁹

Катенин напечатал эти строфы только в 1833 году, но перевел их десятью годами ранее, в ходе полемики с О. М. Сомовым о русской октаве.⁷⁰ Сопоставление текстов позволяет говорить о высоковероятном знакомстве Пушкина с неопубликованным переводом Катенина:

Катенин	Пушкин
<i>Цветущий лес, луга, ручей прохладный...</i>	<i>Цветы, луга, ручей живой,⁷¹</i> <i>Счастливы грот, прохладны тени...⁷²</i>
<i>Чем бедный я Медор, какой ценой</i>	<i>Чем, бедный, вас я награжу?</i>
<i>Вас награжу, как не души хвалою?</i>	<i>Хвалою и просьбою смиренной.</i>
<i>Всех вас молю: и юных дев пригожих,</i>	<i>Господ любовников молю,⁷³</i>
<i>И рыцарей...</i>	<i>Дам, рыцарей...</i>
<i>Лугам, деревьям, цветам, водам скажите...</i>	<i>На воды, луг, на тень и лес...⁷⁴</i>
<i>Гоните прочь и бури и стада.</i>	<i>Не гнали жадные стада.⁷⁵</i>

Эти совпадения тем более примечательны, что переводчики не были стеснены ритмико-грамматическими формулами и клише, свойственными одному и тому же стихотворному размеру: Катенин переводил цезурованным 5-стопным ямбом, Пушкин — бесцезурным 4-стопным.

Вопрос о соотношении пушкинского текста с предшествующими русскими переводами поднял в 1939 году Г. Д. Владимирский. О катенинском переводе он не вспомнил, а касательно двух других заключил: «Анализ материала и сопоставление источников убеждает нас в том, что поэт пользовался и переводом анонима 1791 г. и переводом Батюшкова 1817 г.»⁷⁶ В целом этот вывод верен, но детали нуждаются в существенных уточнениях. Так, по мнению исследователя, слова «„витязь” и „на деревьях”, принятые поэтом», восходят к Батюшкову, поскольку мы их «находим у Батюшкова (но не в переводе 1791 г.)».⁷⁷ Слово *витязь* в контексте перевода из Ариосто Пушкин и вправду позаимствовал у Батюшкова,⁷⁸ однако оборот *на деревьях* («Гуляя, он *на деревьях* / Повсюду надписи встречает»), напротив, восходит к переводу Молчанова: «Как он обращал повсюду взоры, то приметил *на многих деревьях* вырезанные слова». У Батюшкова иначе: «Бросая взоры свои вдоль по тенистому берегу, видит начертания *на коре кудрявых кустарни-*

⁶⁹ Катенин П. А. Избр. произведения. М.; Л., 1965. С. 129.

⁷⁰ Там же. С. 677—678 (примечание Г. В. Ермаковой-Битнер).

⁷¹ В оригинале: «Liete piante, verdi erbe, limpide acque» («Счастливые растения, зеленые травы, прозрачные воды»).

⁷² Среди черновых вариантов: «*Прохладный грот*» (III, 572).

⁷³ Итальянскому *pregare* и французскому *prier* 'просить; умолять' у Молчанова соответствует *прошу*, а у Батюшкова — *умоляю*.

⁷⁴ Сопоставление с оригиналом и черновыми редакциями см. ниже.

⁷⁵ В оригинале: «...*Che non conduca a voi pastor mai greggia*» («Чтобы не приводил к вам пастух никогда стадо»).

⁷⁶ Владимирский Г. Д. Пушкин-переводчик. С. 315.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Ср.: Карданова Н. Перевод ренессансного поэтического текста... С. 244—246.

ков» (октава 102). Можно добавить, что Пушкин вслед за Батюшковым называет Анджелику *царевой*,⁷⁹ тогда как у Молчанова использован буквальный эквивалент итальянского *regina* — *королева*.

Утверждение Г. Д. Владимирского, будто пушкинский черновой вариант «Но подозренье сердце гложет» (III, 570, прим. 4а) якобы «совпадает с переводом 1791 г.»,⁸⁰ не соответствует действительности. Также не имеют под собой оснований заявления исследователя, что ряд глаголов «в 105-й октаве Пушкин (...) заимствует из перевода 1791 г.» и что «стихи 109-й октавы ближе к переводу 1791 г.», чем к оригиналу и к переводу Батюшкова.⁸¹ Далее, исследователь пишет: «Первые строки 106-й октавы близки к батюшковскому переводу (он (Пушкин. — И. П.) сохранил, как в подлиннике и у Батюшкова, «кривыми ветвями», в то время как в переводе 1791 г. этого нет)».⁸² В пушкинской версии «вход» в пещеру любовников был «завешен» «кривой, бродящей повиликой». Это описание только эпитетами напоминает оригинал, в котором фигурируют «*coi piedi storti edere e viti erranti*» («плющ с искривленными стеблями и дикие (буквально: бродячие) виноградные лозы»). Однако Пушкин никак не мог опереться здесь на Батюшкова, который, напротив, точно, с использованием нарочитого итальянизма (*едера* ‘плющ’), передал названия растений, но ошибочно перевел итальянское *piedi* (‘стебли’, буквально ‘ноги’) как *корни*: «Там едера и виноградник, переплетяся густо кривыми корнями, украсили убежище любви». Кстати, в этой же строфе вслед за Мирабо—Молчановым Пушкин прямо называет имена Анджелики и Медора, которые в оригинале и других переводах, в том числе батюшковском, замещены апеллятивом «*i duo felici amanti*» («двое счастливых любовников») — ср. «счастливые любовники» у Батюшкова, «*ces deux amans fortunés*» у Панкука, «*les deux amans*» у Дюссё и Трессана.

Нуждается в корректировке и такой вывод Г. Д. Владимирского: «В 108-й октаве 1-й редакции стихов («зеленый дерн, кристальный ток») ближе всего к переводу 1791 г. и его словарю».⁸³ Из перевода Молчанова, где фигурируют «милые травки, зеленый дерн, прозрачный источник», Пушкин действительно заимствовал (и тут же отбросил) словосочетание *зеленый дерн* (III, 572). А вот сочетание «ручья (?) кристальный ток» (III, 572) не находит соответствий у Молчанова и восходит к Батюшкову, у которого *кристальный ручей* встречается в переводе 100-й октавы.

Еще одно место в пушкинском переводе может с равной вероятностью восходить как к молчановскому переложению, так и к батюшковскому:

[*Быть может* ею сей Медор —]
[Лишь только *вымышлен* Медор] (III, 570, прим. 2б, 2в)⁸⁴
Медор сей *вымышлен* лишь ею (III, 570)⁸⁵

Под этим прозвищем меня
Царевна славила, *быть может*. (III, 15)

Ср.: «*Но может быть, под сим вымышленным Медора именем разумела она меня*» (Молчанов); «*...может быть, имя Медора есть вымысел; под ним мое имя скрывается*» (Батюшков).

Рассмотренный пример принуждает задаться вопросом о взаимном соотношении двух допушкинских версий обсуждаемого фрагмента «Неистового Роланда».

⁷⁹ Там же. С. 246.

⁸⁰ *Владимирский Г. Д.* Пушкин-переводчик. С. 315.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же.

⁸³ *Владимирский Г. Д.* Пушкин-переводчик. С. 315.

⁸⁴ См.: ПД 835. Л. 69.

⁸⁵ При последующей переработке *вымышлен* заменено на *выдуман* (III, 15).

29 июля 1810 года Батюшков делился планами с П. А. Вяземским: «Я бы перевел несколько отрывков из <...> Ариоста, которого еще нет вовсе на русском, ибо перевод, который сделан с французского, так похож на оригинал, как Батонди на честного человека».⁸⁶ Невзирая на столь резкий отзыв, воздействие молчановского перевода на батюшковский дает о себе знать:

	Молчанов	Батюшков
100	...долина, <i>испещренная</i> яркими <i>цветами</i>мягкая и <i>испещренная</i> прелестными <i>цветами</i> трава... ⁸⁷
104	Так <i>обманывает</i> себя несчастный рыцарь, так питает в душе смутную <i>надежду</i> ...	Сим образом <i>несчастный</i> Роланд старался <i>обмануть</i> самого себя и поддерживать свою <i>надежду</i> .
105	Такова бывает птичка, без пользы <i>трепещущая</i> или в сетях, или на клею: все ее усилия служат только к большему ее запутыванию или к укреплению уз ее.	Так неосторожная птица, запутавшись в тайной сети, чем более <i>трепещет</i> крыльями, ⁸⁸ чем более желает выбиться, тем сильнее запутывается в тенетах коварных.

В последнем процитированном фрагменте из всех переводчиков только Батюшков опускает именование второй ловушки — «клей» — и оставляет одну «сеть» («...запутавшись в тайной сети...»). То же у Пушкина:

Так [птица] птичка [*в сеть*]
 Так птичка [*в сетке*]
 Так птичка *в [сеть] сети*
 Так птичка *в сети*, друг свободы (III, 570; 570, прим. 7)⁸⁹

Так птичка, легкий друг свободы
 Попав нежданно *в сеть* (III, 575)⁹⁰

Так *в сетке* птичка, друг свободы,
 Чем больше бьется, тем сильнее,
 Тем крепче путается в ней. (III, 15—16)⁹¹

В заключительных строках 105-й октавы Батюшков, следуя за Молчановым, называет ариостовскую «гору» (*il monte*) «каменной»;⁹² однако это определение у Пушкина не отразилось:

Орланд идет туда, где своды
 Гора склонила на ручей.

В словах из надписи Медора (октава 109) «benigno abbiate e sole e luna» («благосклонны (благоприятны) да будут вам и солнце и луна»), **все французские пере-**

⁸⁶ Батюшков К. Н. Соч. М., 1989. Т. II. С. 141. Р. Батонди — «старый Италиянец, живший в доме князя Вяземского и умерший в 1812 г.» (Сочинения К. Н. Батюшкова / Со статьей о жизни и сочинениях К. Н. Батюшкова, написанною Л. Н. Майковым, и примечаниями, составленными им же и В. И. Саитовым. СПб., 1886. Т. III. С. 676).

⁸⁷ В. В. Виноградов включает прилагательное *испещренный* в число «явных церковнославянизмов», которые подвергались «замене их общелитературными эквивалентами» при работе Н. М. Карамзина над «Письмами русского путешественника»: «растилалась тучная зелень, *цветами испещренная*» → «растилалась зеленые ковры» (Виноградов В. В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. М.; Л., 1935. С. 206).

⁸⁸ В подлиннике: *batte l'ale* «бьет крыльями».

⁸⁹ См.: ПД 835. Л. 69.

⁹⁰ См.: ПД 78. Л. 2 об.

⁹¹ Первоначальный вариант (*в сети*) совпадает с батюшковской версией, окончательный (*в сетке*) отходит от нее.

⁹² Ср.: «...где *каменная гора*, подобно луку, сгибается над пенистой влагою и пещеру скалами образует» (Батюшков); «...где согбенный внутри *каменный утес* составлял над ручьем род пещеры» (Молчанов).

водчики (кроме Трессана, который в этом месте варьирует и амплифицирует исходный текст) дают для *benigno* эквивалент *favorables* 'благосклонны, благоприятны'. Пушкинский перевод далеко уходит от оригинала, отражая текстовые трансформации, возникшие в недолгой русской традиции перевода данного сегмента текста: «...да будут и дневные и ночные светила к вам *благоприятны!*» (Молчанов) → «...да будут вам *благодатны* солнце и месяц *небесный*» (Батюшков) → «Зовите *благодать небес*» (Пушкин).

Помимо молчановского перевода, Батюшков ориентировался на французский сокращенный пересказ «Orlando furioso» в книге П.-Л. Женгене «Литературная история Италии» (ч. II, гл. VII) — главным источнике своих сведений по истории итальянской литературы (эта книга была хорошо известна и Пушкину).⁹³ Некоторые перифразы Женгене отразились в батюшковском переложении конца 100-й и начала 101-й октавы: «*Excédé de chaleur et de fatigue, il arrive pendant l'ardeur du midi <...> au bord d'un ruisseau limpide*» (Женгене);⁹⁴ «*Изнуренный усталостью, останавливается на берегу кристального ручья <...>. Легкое веяние ветерка прохлаждало *паллящий зной полуденный...**» (Батюшков). Последний оборот подхватывает Пушкин:

Луга палит полдневный зной,
Пастух убогой спит у стада.

Вместе с тем ближайшая параллель к этим же стихам встречается ранее у самого Пушкина в черновике Черкесской песни из «Кавказского пленника»:

Пастух с волынкой полевой
На влаж(ный) берег стадо гонит —
Его палит полдневный зной,
И тихой сон невольно клонит.

(IV, 346)

В окончательной редакции песни указанная строфа отсутствует.

Pendant *полднeвному зною*, все же заданному и оригиналом, и батюшковским переводом-посредником, Пушкин вводит в 102-ю октаву сочетание «в жар полдневный». Оно отсутствует в подлиннике и других переводах, но встречается у самого Пушкина в стихах лицейского и послелицейского периода: «В вечерний хлад, в полдневный жар» («Кольна», 1814 — I, 30); «В полдневный жар он стадо созывал» («Там у леска, за ближнею долиной...», 1819 — II, 104). Видимо, такого рода переключки позволили Ю. Н. Тынянову усмотреть в переводе из Ариосто «рецидив лицейских приемов» и связать его с авторедактурой лицейских стихов для сборника 1826 года.⁹⁵ А. Д. Григорьева отмечала еще одну фразеологическую параллель между переводом из Ариосто и ранним пушкинским творчеством: «Стихи, *чувств нежных* вдохновень» (октава 107, о надписи Медора). По мнению исследователя,

⁹³ О Батюшкове и Женгене см.: Пильщиков И. А. Батюшков и литература Италии (по указателю). Пушкин сделал выписки из IV тома Женгене, касающиеся истории стихотворного рыцарского романа (*roèmes romantiques*) — то есть предьстории поэмы Ариосто (см.: Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подг. к печати и комм. М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский и Т. Г. Зенгер. М.; Л., 1935. С. 486—490); М. А. Цявловский предположительно датировал их июнем 1822 года (Там же. С. 489. Ср.: Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. I: (1813—1824). С. 473, прим. 123), С. А. Фомичев — 1824 или 1825 годом (Фомичев С. А. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 832: (Из текстологических наблюдений) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1986. Т. XII. С. 241). О чтении Женгене свидетельствует цитированное выше замечание Пушкина о «предшественниках» Ариоста в письме к П. А. Вяземскому от 25 мая и середины июня 1825 года.

⁹⁴ *Ginguené P. L. Histoire littéraire d'Italie. Paris, 1812. T. IV. P. 413. Перевод: Изнуренный жарой и усталостью, он приезжает в полуденный зной <...> на берег прозрачного ручья (фр.).*

⁹⁵ Тынянов Ю. Н. Пушкин // Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы. Л., 1929. С. 229.

выделенное сочетание выступает в пушкинском переводе «как элемент стилизации» наряду с такими оборотами как *Приют любви, забав и лени и утехи Купидона*.⁹⁶

Действительно, строка «Приют любви, забав и лени» в надписи Медора (октава 108), которой «нет соответствия в тексте Ариосто и других переводчиков», находит аналоги в других текстах Пушкина.⁹⁷ Ср.: «Готов *приют любви* веселый» (I, 272) в лицейском стихотворении «К Делии»; «Я пеньем оглашал *приют забав и лени*» (II, 188) в послании «Чедаеву» 1821 года; «*Приют любви* и вольных муз» (II, 264) в послании членам «Зеленой лампы», отправленном Пушкиным Я. Н. Толстому 26 сентября 1822 года; «*Приют любви*, он вечно полн...» (II, 472) — начальная строка наброска 1824 года во Второй масонской тетради (ПД 835, л. 3). После перевода из Ариосто генитивные метафоры с опорным словом *приют* из поэтического языка Пушкина уходят.

Напротив, эвфемистическая перифраза *утехи Купидона* встречается у Пушкина лишь единожды: «Где с Анджеликой молодой <...> Я знал утехи Купидона». Ни у Ариосто, ни у переводчиков-предшественников Купидон/Амур в надписи Медора не упоминается. В оригинале сказано прямо: «Dove la bella Angelica / <...> / Spesso nelle mie braccia nuda giacque» («Где прекрасная Анджелика / <...> / Часто в моих объятиях обнаженной лежала»). Батюшков и Катенин целомудренно опустили последнюю деталь: «...где Анджелика <...> в моих объятиях покоилась!» (Батюшков); «Она в моих объятиях почивала» (Катенин) — а Молчанов, переведивший с текста Мирабо, использовал традиционную галантную перифразу французского типа (*couronner sa flamme* ‘увенчать чей-либо пламень’). Но поскольку в русском языке метафорика любви-пламени не разработана так же широко, как во французском,⁹⁸ то русский переводчик вынужден был использовать пояснительную генитивную метафору *пламень любви*: «...где божественная Ангелика много раз увенчивала пламень любви моей!»

Непреодолимую сложность для Пушкина-переводчика создало заключительное двустопное 111-й октавы, которое он передал так:

И наконец на свой позор
Вперил он *равнодушный* взор.

Это либо переводческая ошибка, либо, что вероятнее, игра с оригиналом. Дело в том, что прилагательное *indifferente* ‘равнодушный’ употреблено у Ариосто в значении ‘неотличимый (от камня)’:

Rimase alfin con gli occhi, e con la mente
Fissi nel sasso, *al sasso indifferente*.⁹⁹

Соответствующим образом это место переведено у Мирабо и Панкука, а затем, с текста Мирабо, у Молчанова: «Напоследок сделался безмолвен, недвижим, пристально смотря на камень, на котором были начертаны стихи, да и сам мало различествовал от рассматриваемого им камня». При этом Пушкин отбрасывает метафорику камня/окаменения, сохраненную во всех французских переводах.¹⁰⁰ Батюшков, у которого Пушкин позаимствовал глагол *вперил*, тоже почему-то предпочел обойти этот

⁹⁶ Поэтическая фразеология Пушкина. М., 1969. С. 216.

⁹⁷ Карданова Н. Перевод ренессансного поэтического текста... С. 243.

⁹⁸ Ср.: Perrin-Naffakh A.-M. Le cliché de style en français moderne: Nature linguistique et rhétorique, fonction littéraire. Bordeaux, 1985. P. 368—369.

⁹⁹ «Остановился он наконец, взором и мыслью прикован к камню, [сам] от камня неотличим» (ит.). См.: Vocabulario degli Accademici della Crusca. Impressione Napoletana secondo l'ultima di Firenze. Con la giunta di molte voci raccolte dagli autori approvati dalla stessa Accademia. Napoli, 1746. Т. II. P. 481.

¹⁰⁰ У Ариосто она восходит к Петрарке (*Cabani M. C. Fra omaggio e parodia: Petrarca e petrarchismo nel «Furioso»*. Pisa, 1990. P. 264).

микроконтекст стороной, но сохранил хотя бы упоминание камня: «Безмолвен, мрачен, *вперил* неподвижные очи в хладный камень». ¹⁰¹ К Батюшковскому переводу восходят у Пушкина и ключевые лексемы начала следующей, 112-й октавы:

Готов он в *горести* безгласной
Лишиться *чувств*, оставить свет.

Ср. у Батюшкова: «...*горесть* несказанная, как свинец, лежала на сердце, и все *чувства* замерли». Эти существительные соответствуют итальянским *dolor* и *sentimento*, но важен выбор именно этих русских слов, а не их синонимов. Вот для сравнения перевод Молчанова: «Чрезмерная печаль его и тогда едва не совсем лишила его рассудка».

4

Теперь нужно внимательнее взглянуть на те места, где Пушкин обращается к оригиналу, минуя переводы французских и русских предшественников. По верному замечанию П. О. Морозова, «в некоторых случаях первоначальная редакция перевода ближе к подлиннику, чем исправленная». ¹⁰² Исследователь указал только один такой случай: передавая словосочетание *al pastore ignudo* ‘обнаженному пастуху’ (октава 101), Пушкин заменил первоначальное *пастух раздетый на пастух убогой*. ¹⁰³ Этот пример можно дополнить указанием на черновые варианты перевода 5—6 стихов 109-й октавы:

Ch'all'erbe, all'ombre, all'antro, al rio, alle piante
Dica: benigno abbiate e sole e luna. ¹⁰⁴

Сначала Пушкин пытался так или иначе передать весь перечислительный ряд. Вот наброски перевода 5-го стиха (ПД 835, л. 79 об.):

Молю — цветам
Молю — [сказать] [цветам лугам] (III, 573; 573, прим. 106)

Молю — [сказать] [лугам ручью]
[Пещере] (III, 573, прим. 116, 116) ¹⁰⁵

⟨Молю⟩ — цветам водам(?) и тени (III, 573) ¹⁰⁶
Ручей [и тень] и [грот] (III, 574, прим. 1)

Благословите луг, ручей
И тень и лес — и (III, 574)

¹⁰¹ Отсутствующий у Ариосто эпитет *хладный* Батюшков взял из собственного подражания 269-му сонету Петрарки (1810): «...И слезы вечные на *хладный камень* лить!» — при том, что в подлиннике сонета это словосочетание также отсутствует (*Некрасов А. И.* Батюшков и Петрарка // Известия Отделения Русского языка и словесности Императорской Академии Наук. 1911. Т. XVI. Кн. 4. С. 187; подробнее см.: *Pil'šikov I. A.* Petrarca nelle traduzioni dei poeti russi dell'età d'oro e dell'età d'argento / Trad. di B. Sulpasso // Russica Romana. 2010. Anno XVII. P. 96).

¹⁰² Сочинения Пушкина. Пг., 1916. Т. IV. Примеч. С. 210.

¹⁰³ Там же. Вслед за Морозовым (без ссылок): *Розанов М. Н.* Пушкин и Ариосто. С. 409; прим. 2; *Владимирский Г. Д.* Пушкин-переводчик. С. 315. В переводах Панкука, Дюссье и Трессана пастухов много, и они названы «полуобнаженными» (*demi-nuds*). Не сохранил единственного числа оригинала и Батюшков, который описывает в этом месте «пастырей, едва покрытых одеждою». У Мирабо и Молчанова — далекая от подлинника парафраза.

¹⁰⁴ «Чтобы травам, тени, пещере, ручью, растениям / Сказали: да будут к вам благосклонны и солнце и луна» (*ит.*).

¹⁰⁵ С иной интерпретацией соотношения слов.

¹⁰⁶ С неточностью.

В набросках перевода 6-го стиха фигурируют оба небесных светила, упомянутых в оригинале: «Да [светят] любят их Луна и Феб» (III, 574; 574, прим. 3). Однако задача, видимо, оказалась чересчур трудной: перечислительный ряд, занимавший эндекасиллаб с элизиями (без учета зияния гласных в 5-й строке оригинала 15 слогов, в 6-й — 14), слишком длинен для строки 4-стопного ямба, в который уместается только 8 или 9 слогов. Хотя Пушкин не связал себя необходимостью выдерживать восьмистрочные строфы, он в конце концов отказался от буквальной передачи текста, сохранив исходный объем фрагмента — две строки:

На воды, луг, на тень и лес
Зовите благодать небес.

Доказательность другой группы примеров, обосновывающих факт обращения Пушкина к итальянскому оригиналу, зиждется на том, что поэт-переводчик сохраняет место слова или грамматической формы в стихотворной строке. Примеры с указательными местоимениями были рассмотрены выше. Подобным же образом Пушкин сохраняет начальную стиховую позицию (но не семантику) деэпричастия в начале 102-й октавы:

Гуляя там, на деревьях
Наш рыцарь надписи читает. (III, 574)¹⁰⁷

Volgendosi ivi intorno vide scritti
*Molti arbuscelli in su l'ombrosa riva.*¹⁰⁸

Еще более яркий пример — воспроизведение enjambement'a во 2—3 стихах 109-й октавы:¹⁰⁹

Господ любовников молю,
Дам, рыцарей и всевозможных
Пришельцев, здешних иль дорожных,
Которых в сторону сию
Фортуна заведет случайно...

E di pregare ogni Signore amante,
E Cavallieri, e Damigelle, e ognuna
Persona, o paesana, o viandante,
Che qui sua volontà meni, o Fortuna...¹¹⁰

Характерно, что Пушкин воспроизвел в переводе латинско-итальянскую лексему (*Фортуна* = *Fortuna*) и при этом сначала попытался сохранить клаузульную позицию иностранного слова:

Che qui sua volontà meni, o *Fortuna*...

Которых во страну сию
Случайно заведет *Фортуна* —

(III, 573)

¹⁰⁷ ПД 78. Л. 1. Первоначальный вариант перевода чуть ближе к подлиннику, чем окончательный: «Гуляя, он на деревьях / Повсюду надписи встречает».

¹⁰⁸ «Осматриваясь там вокруг, он видит надписи / На многих деревьях на тенистом берегу» (ит.).

¹⁰⁹ Отмечено в докладе: *Ishov Z.* «Твоя лазурь и наше черноморье»: Pushkin and Ariosto — a history of a neglected connection (Pushkin/Anti-Pushkin: Graduate Student Conference. Princeton University, 17—18. 04. 2009).

¹¹⁰ «И просить всех господ любовников, / И кавалеров, и барышень, и любого / Человека, хоть местного, хоть путника, / Которого сюда собственная воля приведет или Фортуна...» (ит.).

Это отнюдь не банальный факт — другие переводчики эту лексему не сохраняют: во всех французских переводах употреблено слово *hazard (hasard)* ‘случай’, в русских — *случай*.

Еще один пример сохранения значимых слов в клаузуле — первые четыре строки 103-й октавы:

Орланд их имена читает
Соединенны вензелом;
Их буква каждая гвоздем
Герою сердце пробивает.

З. Ишов заметил,¹¹¹ что в этих строках все рифмующие слова (*читает* : *пробивает*, *вензелом* : *гвоздём*) точно соответствуют словам, образующим рифмы в подлиннике (*vede* ‘видит’¹¹² : *fiede* ‘ранит’, *nodi* ‘узлы’¹¹³ : *chiodi* ‘гвозди’).

Знакомство с оригиналом проявляется в пушкинском переводе 3 и 4 строки 106-й октавы:

Quivi soleano al più cocente giorno
Stare abbracciati i duo felici amanti.¹¹⁴

Медор с прелестной Анжеликой
Любили здесь у свежих вод
В день жаркой, в тихой час досуга
Дышать в объятиях друг друга.

Объем фрагмента удваивается оттого, что переводчик многое добавил от себя: «у свежих вод», «в тихой час досуга». Тем не менее словосочетание *дышать в объятиях* ближе к оригиналу (*stare abbracciati*), чем к любому французскому или русскому переводу. Хотя глагол *дышать* принадлежит не ренессансной, а рокайльной стилистической системе¹¹⁵ и в пушкинском тексте представляет собой «старый поэтический штамп», он несет особую «стилеобразующую функцию»¹¹⁶ — служит знаком поэтической старины. Сначала Пушкин попробовал более нейтральный вариант: «Сидеть обнявшись» (III, 571, прим. 5б), но нашел новую конструкцию: «Вздыхать в объятиях друг <друга>» (III, 571) — и потом заменил *вздыхать* на *дышать*.

В этом же фрагменте пушкинского перевода «счастливые любовники» названы по именам: «Медор с прелестной Анжеликой». До Пушкина именами собственными заменяли в этом месте перифразу Мирабо и вслед за ним Молчанов: «...dans laquelle *Angélique & Médor* avoient coutume de se retirer pendant la chaleur du jour»;¹¹⁷ «...сюда-то *Ангелика и Медор* обыкновенно удалялись во время полдневного жара».

¹¹¹ См. прим. 109.

¹¹² В следующей, 104-й октаве глаголы *видеть* и *читать* употреблены как синонимы — о начертанных Анжеликой буквах Роланд думает: «Di tal'io n'ho tante vedute e lette» («Сколько раз я их видел и читал»). В 107-й октаве, переводя глагол *vide* ‘видит’, Пушкин пробует варианты: «Читает надпись» (III, 572, прим. 1а), «Он видит надпись» (III, 572, прим. 1б), «Зрит надпись» (III, 572, 16). В цитированном выше первоначальном варианте 102-й строфы выражение *vide scritti* ‘видит надписи’ переведено как «надписи читает» (III, 574).

¹¹³ Слова *узел* и *вензел(ь)* (польск. *węzeł* ‘узел’) этимологически тождественны (*Грот Я. К.* Филологические разыскания. 3-е изд. СПб., 1885. Т. I. С. 610; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964. Т. I. С. 291).

¹¹⁴ «Здесь имели обыкновение в самый жаркий день / Пребывать, обнявшись, двое счастливых любовников» (*ит.*).

¹¹⁵ Ср.: *Карданова Н.* Перевод ренессансного поэтического текста... С. 241—242.

¹¹⁶ Поэтическая фразеология Пушкина. М., 1969. С. 261.

¹¹⁷ «...куда *Ангелика и Медор* имели обыкновение удаляться во время дневного жара» (*фр.*).

Другая параллель с текстом Мирабо обнаруживается в самом начале пушкинского перевода (это обсуждавшаяся выше октава 100):

Природа милыми цветами
Тенистый берег убрала
И обсадила древесами.

Ср.: «...une herbe tendre & émaillée de charmantes fleurs en garnissoit le bords».¹¹⁸ После Мирабо «лишний», семантически стертый эпитет появляется у русских переводчиков: «мягкая и испещренная прелестными цветами трава» (Молчанов), «долина, испещренная яркими цветами» (Батюшков). Вполне возможно, это они подсадили Пушкину конструкцию с эпитетом. Нужно заметить, что словосочетание *милые цветы*, нередко употребляемое в поэзии карамзинистов, у Пушкина встречается только в набросках элегии «Люблю ваш сумрак неизвестный...», относящихся к 1822 году и переработанных автором для печати в 1825 году (II, 752). Ближайшую с лексико-фразеологической точки зрения конструкцию: «Цветы последние милей / Роскошных первенцев полей» (II, 423) — находим в экспромте, датированном, вероятно, 16 октября 1825 года.¹¹⁹ Кроме того, в «Руслане и Людмиле» употреблено восходящее к поэзии Жуковского словосочетание *милый цвет* (IV, 15).

Последняя строка обсуждаемого сегмента, то есть заключительный стих 100-й октавы («E di molti e belli arbori distinto»¹²⁰), в пушкинском переложении обнаруживает отдаленное сходство с переводом Дюссё: «...И обсадила древесами» — «Ses bords embellies par une prairie émaillée de fleurs, étoient plantés de très beaux arbres».¹²¹ Однако указанное совпадение вполне может быть случайным: инструментальное существительное в оригинале и всех переводах совпадает (ит. *arbori*, фр. *arbres* 'деревья'), а неопределенность значения итальянского причастия *distinto*¹²² принуждала переводчиков искать собственные эквиваленты, опираясь на общязыковые ассоциации.¹²³

Более пристального рассмотрения заслуживает параллель в переводах 112-й октавы: «Склонив чело, убитый, бледный». Такой эпитет есть только у Дюссё: «...son front pâle a perdu sa noble audace» («его бледное чело утратило благородную отвагу»). Эпитет *бледный* повлек за собой рифму: *рыцарь бедный*. За этим словосочетанием и этой рифмой оказалась будущность:

Жил на свете рыцарь бедный
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.¹²⁴

(III, 161)

¹¹⁸ «Трава нежная и усеянная прелестными цветами устилала его (ручья. — И. П.) берега» (фр.).

¹¹⁹ Громбах С. М. «Цветы последние милей» // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1989. Вып. 23. С. 103—105.

¹²⁰ «И множеством прекрасных деревьев окруженный» (ит.).

¹²¹ «Его (ручья. — И. П.) берега, украшенные лугом, усеянном цветами, были обсажены прекрасными деревьями» (фр.).

¹²² Ср.: Vocabolario della lingua italiana già compilato dagli Accademici della Crusca ed ora novamente corretto ed accresciuto dall'abate G. Manuzzi. Firenze, 1836. Т. I. Parte 2. P. 1103.

¹²³ Кроме Дюссё, употребившего причастие *plantés*, и Панкука, употребившего глагол 3 л. мн. ч. *couvroient* 'отделяли', остальные переводчики использовали причастие либо личную форму глагола со значением 'покрывать тенью, осенять': *ombragé* (Мирабо), *ombrageoient* (Трессан), «покрывали его своею тению» (Молчанов), «осененная» (Батюшков).

¹²⁴ Помимо стихотворения «Жил на свете рыцарь бедный...» (1829), рифма *бедный* (-оу): *бледный* (-оу) встречается у Пушкина в «Цыганах» (1824) и в ряде произведений конца 1820-х—начала 1830-х годов: «Город пышный, город бедный...» (1828); «Медный Всадник» (1833); «Езерский» (1832—1833) — беловая рукопись первой редакции (V, 392); «Вурдалак» (1833—1834).

Императив *верьте* в той же 112-й октаве соответствует оригиналу (*credete*), но из французских переводчиков его передают только Дюссё и Панкук. А в 111-й октаве Дюссё — единственный из французских переводчиков — буквально воспроизводит те же фрагменты итальянского текста, которые воспроизведены у Пушкина.¹²⁵ Тем не менее нельзя сказать, что Пушкин в этом случае ближе к Дюссё, чем к оригиналу, поэтому сами по себе параллели в 111-й строфе бездоказательны.

Завершая анализ соотношения пушкинского перевода с французскими версиями «Роланда», рассмотрим еще один заслуживающий внимания микроконтекст. Вторая половина 102-й октавы начинается в пушкинском переводе с эмфатического вводного оборота: «*И в самом деле...*». Он отсутствует в оригинале, но имеется во всех французских переводах, кроме перевода Панкука: он есть у Мирабо (*en effet*), Дюссё (*effectivement*) и Трессана (*en effet*). При этом у Молчанова, переведившего с версии Мирабо, указанная эмфаза не отражается.

Отступлений от оригинала, не поддержанных переводами-посредниками, в пушкинском переводе не так уж и много, но они проходят через весь текст и присутствуют почти в каждой квазистрофе, начиная с первой строчки: «...блестит водами / Ручей...». Отсутствующий в источниках пушкинского текста глагол *блестеть*, здесь дополнительно мотивированный сравнением со стеклом-кристаллом, обычен в поэзии Пушкина 1820-х годов: «...струя / Блестит, бежит и исчезает» («Пока супруг тебя, красавицу младую...», 1824 — II, 344); «...И речка подо льдом блестит» («Зимнее утро», 1829 — III, 183).

Строка «*Невольный страх* его влечет», не имеющая эквивалентов в оригинале 102-й октавы, представляет собой автореминисценцию из «Руслана и Людмилы»:

С немой тоскою
Поникнул витязь головою;
Его томит *невольный страх*;
Недвижим он, как мертвый камень;
Мрачится разум; дикий пламень
И яд отчаянной любви
Уже текут в его крови.

(IV, 63—64)

Как показал М. Н. Розанов, весь эпизод неистовства Руслана представляет собой подражание октавам 100—130 из XXIII песни «*Orlando furioso*».¹²⁶ Однако оборот *невольный страх* не ограничен этим контекстом — перед нами «частотная пушкинская стилема».¹²⁷ Ср.: «Всё в душу страх невольный поселяло в стихотворении «Сон» (1816 — I, 189); «Глядит, неволью страха полный» в стихотворении «Русалка» (1819, редакция 1825 года — II, 96); «Невольным страхом поражен» в «Полтаве» (V, 49); «Неволью страхом замираю» в черновом варианте письма Татьяны к Онегину (VI, 320) и «Объятая невольным страхом» — в черновом варианте строфы 7, VIII, не вошедшей в окончательный текст пушкинского «романа в стихах» (VI, 419, прим. 13).

Необычен галлицизм *друг свободы* в применении к «птичке» (октава 105). Не далее как в 1823 году в первой главе «Онегина» Пушкин назвал «другом свободы» Фонвизина, а в 1825-м едва не применил эту характеристику к Ленскому: «Поклонник Славы, друг Свободы» (VI, 368).¹²⁸ Это калька выражения *l'ami de la li-*

¹²⁵ Помимо проанализированной выше серии числительных, это субстантиват *несчастный* (ит. *quello infelice*, фр. *l'infortuné*) — остальные переводчики десубстантивируют это прилагательное и превращают его в определение.

¹²⁶ Розанов М. Н. Пушкин и Ариосто. С. 399—400.

¹²⁷ Карданова Н. Перевод ренессансного поэтического текста... С. 239.

¹²⁸ В 1823 году независимо от Пушкина такое же выражение употребил Языков: «Радость жизни, *друг свободы*, / Муза любит мой приют» («Чужбина»).

berté, получившего широкое хождение в годы Французской революции. Так, согласно инструкции членам народной комиссии Оранжа, составленной Робеспьером 21 флореаля II года, «враги революции» приговаривались к смертной казни на основании любых сведений об их контрреволюционной деятельности, «которые могут убедить человека рассудительного и друга свободы» (*qui peuvent convaincre un homme raisonnable et ami de la liberté*).¹²⁹ Однако выражение *ami de la liberté* употреблялось и до Террора: например, его использует Руссо в «Новой Элоизе» (ч. VI, письмо VIII).¹³⁰ А в 1778 году Бюффон в «Естественной истории птиц», рассказывая о трудности приручения жаворонков, полушутливо именует эту птичку «другом свободы»: «...la calandre est un oiseau sauvage, c'est-à-dire, ami de la liberté, & qui ne se façonne pas tout de suite à l'esclavage».¹³¹ В заметке 1822 года Пушкин высоко отзывался о Бюффоне как о «великом живописце природы»: «Слог его цветущий, полный всегда будет образцом описательной прозы» (XI, 18). До сих пор у Пушкина была найдена только одна цитата из Бюффона.¹³² Возможно, это — вторая.

Пожалуй, из всех фрагментов пушкинского перевода наибольшее внимание исследователей привлекали строки из 111-й октавы, которые находят прямую параллель в шестой главе «Евгения Онегина». Первым об этом написал В. В. Виноградов: «Необыкновенно характерны те изменения, которые Пушкин вносит в структуру образа при стихотворном переводе. Например, в отрывке из Ариостова „Orlando furioso“ (песнь XXIII, октавы 100—112):

И нестерпимая тоска,
Как бы холодная рука,
Сжимает сердце в нем ужасно.

У Ариоста: „И каждый раз холодеющею рукою чувствовал, как у него в груди сжимается сердце“.

Ср. в „Евгении Онегине“ (6, III):

...тревожит
Ее ревнивая тоска,
Как будто хладная рука
Ей сердце жмет, как будто бездна
Под ней чернеет и шумит».¹³³

В рассуждение Виноградова вкралась неточность — он доверился ошибочному переводу итальянского оригинала, сделанному П. О. Морозовым.¹³⁴ На самом деле соответствующие строки звучат так:

Ed ogni volta in mezzo il petto afflitto
Stringersi il cor sentia con fredda mano.

В итальянском тексте сочетанием *con fredda mano* ‘холодной рукой’ управляет не глагол *sentia* ‘чувствовал’, а глагол *stringersi* ‘сжиматься’. Здесь имеет место синтаксическая инверсия оборота *accusativus cum infinitivo*: *sentia stringersi* ‘чувст-

¹²⁹ *Blanc L. Histoire de la Révolution française. Nouvelle édition. Paris, 1869. Т. II. P. 717.*

¹³⁰ *Julie, ou La Nouvelle Héloïse: Lettres de deux amans, Habitans d'une petite Ville au pied des Alpes / Recueillies et publiées par J. J. Rousseau. Édition augmentée d'une nouvelle Préface de l'Auteur. Genève, 1761. 6e partie. P. 177.*

¹³¹ [*Buffon G.-L. Leclerc, comte de*]. *Histoire naturelle des oiseaux. Paris, 1778. Т. 5. P. 51.* Перевод: Степной жаворонок — птица дикая, так сказать, друг свободы, которая не сразу приывает к неволе (*фр.*).

¹³² См.: Указатель имен / Сост. Л. А. Катанская // Пушкин. Полн. собр. соч. [М.; Л.], 1959. Справочный том: Дополнения и исправления; Указатели. С. 126.

¹³³ *Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941. С. 27.*

¹³⁴ *Сочинения Пушкина. Пг., 1916. Т. IV. Примеч. С. 209.*

вовал, как сжимается'. Поэтому последнюю строку следует переводить не «холодной рукой чувствовал, как у него сжимается сердце», а «чувствовал, как у него сердце сжимается холодной рукой». Именно так или приблизительно так передавали ее все французские и русские переводчики. Ср.:

«...& à chaque fois qu'il le lisoit, un froid mortel lui glaçoit le Cœur» (Мирабо);¹³⁵

«Il sent la main glacée de la jalousie s'appesantir sur son Cœur» (Дюссё);¹³⁶

«Son cœur se glace; il lui semble qu'une main froide le lui presse et le déchire» (Трессан);¹³⁷

«...à chaque fois il sent comme une main froide qui lui presse et lui glace le cœur» (Панкук);¹³⁸

«...и каждый раз, как читал, смертный хлад сжимал его сердце» (Молчанов);

«...и сердце его сжималось ледяною рукою» (Батюшков).

Виноградовское сопоставление перевода из Ариосто и III строфы шестой главы «Онегина» развил В. В. Набоков (как обычно, не пожелавший сослаться на предшественника). Он заявил, что Пушкин перевел обсуждаемые строки не с итальянского языка, а с французского, и процитировал эти строки в трессановской версии.¹³⁹ По словам М. Вахтеля, «Набоков (...) рассматривает этот пассаж как доказательство того, что Пушкин пользовался французским переводом Трессана, а не итальянским оригиналом».¹⁴⁰ Всё это чистое недоразумение: никакого сходства между текстом Пушкина и текстом Трессана нет. Все совпадения с Трессаном совпадают и с оригиналом, а следовательно, не могут служить доказательством воздействия французского текста на русский. Более того, конструкции «Как бы холодная рука» и «Как будто холодная рука» ближе к переводу Панкука («*comme une main froide*»), чем к переводу Трессана и другим французским переводам.

Сопоставление текстов Пушкина и Ариосто Набоков завершил восклицанием: «Strange migrations and transmigrations!» («Странные миграции и метемпсихозы!»). Восклицание содержит в себе неявный вопрос, на который попытался ответить Ю. М. Лотман. В своем комментарии к «роману в стихах» он определил тематический инвариант двух пушкинских пассажей, переводного и оригинального: «Возможно, именно интерес к психологии ревности определил выбор этого текста для перевода. С этим же связано и сближение с текстом *Е〈вгения〉 О〈негина〉*: Татьяна смущена „странным с Ольгой поведением“ (6, III, 3) Онегина; как и Ленский, она испытывает ревность. Этим объясняется неожиданное, казалось бы, совпадение текстов *Е〈вгения〉 О〈негина〉* и перевода из Ариосто».¹⁴¹

Вернемся к тексту пушкинского перевода. В переложении октав 111 и 112 есть еще два словосочетания, не имеющие эквивалентов в оригинале и в перево-

¹³⁵ «...и каждый раз, как он читал, смертный холод леденит его сердце» (фр.).

¹³⁶ «Он чувствует, как ледяная рука ревности легла бременем на его сердце» (фр.).

¹³⁷ «Сердце его леденеет; ему кажется, что холодная рука ему [сердце] сжимает и раздрает» (фр.).

¹³⁸ «Каждый раз он чувствует как бы холодную руку, которая сжимает и леденит ему сердце» (фр.).

¹³⁹ *Pushkin A. Eugene Onegin ... with a Commentary*, by V. Nabokov. Vol. 3. P. 5.

¹⁴⁰ *Wachtel M. A Commentary to Pushkin's Lyric Poetry*. P. 11.

¹⁴¹ *Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя*. Л., 1980. С. 287. Лотман, как и Набоков, повторил наблюдение Виноградова без ссылки, и в научной литературе оно иногда по незнанию цитируется как лотмановское (см., например: *Есинов В. М. К истории создания шестой главы «Евгения Онегина» // Временник Пушкинской комиссии*. СПб., 2004. Вып. 29. С. 204—205). А. М. Букалов приписывает открытие Виноградова одновременно Набокову и Лотману (*Букалов А. М. Пушкинская Италия: Записки журналиста*. СПб., 2004. С. 87). См. также сопоставление оригинала и русских переводов с указанием на параллель между переводом из Ариосто и «Евгением Онегиным» (без ссылки на предшественников): *Карданова Н. Перевод ренессансного поэтического текста... С. 240—241.*

дах-посредниках: *нестерпимая тоска и в горести безгласной*. Оба они встречаются в корпусе текстов Пушкина только по одному разу. Эпитет *жадные* («Чтоб пастухи к ним никогда / Не гнали жадные стада», октава 110), также не имеющий соответствий в источниках, был ранее применен к *стадам* в черновике пушкинского наброска «Могущий бог садов — паду перед тобой...» (1818) в сочетании с однокорневым глаголом: «Не с тем, чтоб *отгонял* ты *жадные стада*» (II, 538, прим. 1, б). В переводе из Ариосто Пушкин пробовал синонимический вариант: *алчные стада* (III, 574). Эта первоначальная модификация словосочетания находит прямой аналог в батюшковском стихотворном переводе 42-й октавы из I песни «Неистового Роланда», который Пушкин подготовил к публикации в «Северных Цветах на 1826 год»:¹⁴²

Ни стадо алчное, ни взоры пастухов
Не знают тайного сокровища лугов.¹⁴³

Не исключено, впрочем, что обсуждаемое словосочетание введено в текст батюшковского перевода Пушкиным: автограф Батюшкова не сохранился, стихотворение дошло до нас только в пушкинской редакции, а в подлиннике сказано просто *gregge* 'стадо'.¹⁴⁴

5

Подведем итоги.

О непосредственном обращении Пушкина к итальянскому подлиннику свидетельствует распределение словесного материала по стихотворным строкам и внутри строки в октавах 101 (стихи 10—11 по сплошной нумерации пушкинского текста), 102, 103 (стихи 23—26), 109 (стихи 81—82 и 84), а также не поддержанная французскими версиями «Неистового Роланда» семантическая и грамматическая точность перевода в октавах 101 (стих 7), 106 и 109 (стих 84).

Скорее всего, Пушкин переводил Ариосто по двуязычному изданию Панкука (1787), глядя в параллельные тексты оригинала и французского перевода. На обращение к переводу Панкука указывают уникальные совпадения в октавах 100, 101 (стих 9) и 108. Кроме того, только этим переводом поддержаны буквализмы в октавах 101 (стих 12), 103 (стих 30), 104 и 111.

В библиотеке Пушкина был перевод Трессана в поздней редакции (издание 1822 года). Вопреки мнению Набокова, Пушкин этим французским переложением не пользовался. Вполне вероятно, что эта книга попала в его библиотеку уже после того, как он закончил перевод из Ариосто. Единственное совпадение между текстами Пушкина и Трессана (в октаве 101) не значимо, поскольку именно этот фрагмент редакторы посмертных изданий Трессана заимствовали у Панкука.

Остается открытым вопрос, пользовался ли Пушкин другими французскими переводами — Мирабо (1741) и Дюссё (1775—1783). Совпадения с Мирабо в октавах 100 и 106 довольно близкие. В одном случае совпадает эпитет (правда, достаточно банальный), в другом — развернуто даны имена героев в похожей субстантивно-предикативной конструкции. Однако второй из обсуждаемых фрагментов точно отражен в русском переводе «Неистового Роланда», сделанном Молчановым с версии Мирабо и выпущенном анонимно в 1791—1793 гг. По всей видимости, Пушкин заглядывал в этот перевод (о чем свидетельствуют совпадения в выборе

¹⁴² См.: Рукою Пушкина. С. 495—496.

¹⁴³ Северные Цветы на 1826 год, собранные Бароном Дельвигом. СПб., 1826. Поэзия. С. 63.

¹⁴⁴ «Nè gregge nè pastor se le avvicina» («Ни стадо, ни пастух к ней (розе) не приближаются»). Ср. в переводе Катенина: «Сбережена от стад и пастухов».

синонимов и синонимических конструкций в октавах 102 и 108). Возможно также, что Пушкин не пользовался текстами Мирабо и Молчанова, когда переводил, а запомнил эти места, когда читал текст раньше (память у него была отличная).

Совпадение с Дюссё в октаве 100 легко может быть случайностью, тогда как второе совпадение — в октаве 112 (*бледный*) — весьма симптоматично. Но оно — единственное и поэтому не может служить основанием для далеко идущих выводов. Итак, с большой степенью уверенности можно говорить о влиянии на текст Пушкина только одной французской версии «Роланда» — а именно, версии Панкука. Но каким-то, возможно другим, французским переводом он должен был пользоваться — «довольствоваться», по выражению Розанова, — «в годы писания „Руслана и Людмилы“ (1817—1820)».¹⁴⁵

Совпадения с переводом Батюшкова (1817) показывают, что Пушкин хорошо помнил этот текст, как и практически все тексты Батюшкова, напечатанные в «Вестнике Европы». В ряде случаев первый черновой вариант совпадает с текстом Батюшкова, а при переработке батюшковские слова заменяются синонимами или однокорневыми дериватами (октавы 105, 106 и 108). Таким образом, генезис перевода из Ариосто напоминает о генезисе пушкинских заимствований из Петрарки: слежение за оригиналом по хорошей билингве и с опорой на Батюшкова.¹⁴⁶

Отступления от оригинала, не поддержанные переводами-посредниками, в настоящей работе прокомментированы лишь вскользь. Они требуют не столько историколингвистического и переводоведческого, сколько поэтологического и стилистического комментария. Для того чтобы понять, какой французский перевод «*Orlando furioso*» Пушкин использовал во второй половине 1810-х годов, при работе над «Русланом и Людмилой», понадобится отдельное исследование.

¹⁴⁵ Розанов М. Н. Пушкин и Ариосто. С. 381.

¹⁴⁶ См.: Пильщиков И. А. 1) Пушкин и Петрарка: (из комментариев к «Евгению Онегину») // *Philologica*. 1999/2000. Т. 6. № 14/16. С. 7—36; 2) Батюшков и литература Италии. С. 147—157, 227—231.

© А. Л. Петрова

К ИСТОЧНИКАМ ЗНАНИЙ Н. С. ЛЕСКОВА О ФИЛОСОФИИ СОКРАТА

В художественных, публицистических, эпистолярных текстах Н. С. Лескова содержится обширный корпус отсылок к Сократу, Платону и его произведениям, а также к понятию «сократический диалог». Последний, будучи философско-художественной формой, исторически соединил в себе противоречащие друг другу философские интенции двух великих греческих мыслителей. Сократическому началу свойственна открытость по отношению к собеседнику, «фамильярность», самоирония, готовность следовать за чужой мыслью; наследием же Платона, который создал на основе устных бесед своего учителя литературный жанр «сократического диалога», является учительность, авторитарность суждений об истине, подчинение логики собеседника собственной последовательности рассуждения. Судя по тому, что в художественном творчестве Лескова актуализируется философское противоречие между авторитарным и диалогическим путями научения истине, сократический диалог был актуален для него не только на уровне тематики, но и на уровне поэтики.¹

¹ Тема сократического диалога в творчестве Н. С. Лескова впервые была заявлена и разработана О. В. Евдокимовой в контексте лесковской поэтики памяти, а затем развита другими ис-